

Сергей Игнатьев

Психея

*Часть сборника
Любви все роботы покорны
(сборник)*

Сергей Игнатьев

Психея

«ЭКСМО»

2015

Игнатьев С.

Психея / С. Игнатьев — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-457-82755-4

«Она стоит на коленях, посреди кровати, на смятых простынях. Ждет, пока я разберусь с пряжкой ремня в джинсах, смотрит снизу вверх, накручивая на палец локон. – Хватит возиться, – улыбается она. – Мне уже не терпится! Розовая помада, лиловые тени на веках, пушистые ресницы, в мочках ушей – здоровенные кольца из розовой пластмассы. Светлые пряди собраны в два хвоста – конечно же розовыми – резинками, перекинута вперед, стыдливо прикрывают ореолы сосков. В пупке посверкивает крохотная алмазная бабочка. Из одежды на ней только кружевные шортики и короткие носки земляничного цвета...»

ISBN 978-5-457-82755-4

© Игнатьев С., 2015

© Эксмо, 2015

Сергей Игнатьев

Психея

Она стоит на коленях, посреди кровати, на смятых простынях. Ждет, пока я разберусь с пряжкой ремня в джинсах, смотрит снизу вверх, наматывая на палец локон.

– Хватит возиться, – улыбается она. – Мне уже не терпится!

Розовая помада, лиловые тени на веках, пушистые ресницы, в мочках ушей – здоровенные кольца из розовой пластмассы. Светлые пряди собраны в два хвоста – конечно же розовыми – резинками, перекинуты вперед, стыдливо прикрывают ореолы сосков. В пупке посверкивает крохотная алмазная бабочка. Из одежды на ней только кружевные шортики и короткие носки земляничного цвета.

Она щелкает клубничной жвачкой, глядя снизу вверх, бесстыже и смущенно одновременно, эдакая набоковская нимфетка.

Это часть нашей любимой игры, она заводит, но мыслями я где-то далеко.

Я думаю: почему бы не сказать ей прямо сейчас, когда она смотрит на меня вот так, когда она ждет – и слушает? Когда она готова меня выслушать.

– Надя, я хотел бы...

– Молчи, негодник. – Она понимает это по-своему. – Я уже догадалась...

На коленях пододвигается вперед, к краю кровати. Не дает ничего сказать, стаскивает с меня джинсы, поправляет свои «хвосты», убирая их за плечи. Вынимает жвачку и прилепляет розовым комком к краю тумбочки. Одна из ее неистребимых дурных привычек.

Но то, что следует дальше, заставляет забыть обо всем. Просто чувствовать, просто осязать, поглаживая ее ладонью по затылку, глядя сверху вниз, как движется ее голова, ощущать, какие горячие у нее губы, и гибкую влажность, упругую игривость языка, и серебряные горошины пирсинга в нем хололят контрастом, вызывают дрожь, срывают с губ придушенный стон...

Когда она заканчивает, когда утихают последние судороги, я обессиленно падаю на скрипящую кровать, лежу, раскинувшись, ловлю ускользящую блаженную оцепенелость. Она сидит рядом, поглаживая меня ладонью по животу, мизинцем прибирает с края губ оставшуюся капельку. Бесстыдно облизывает палец, беззвучно смеется: «Тебе понравилось?»

Ну, еще бы.

Сквозь сладкую истому навязчиво стучится мысль: я должен ей сказать! Чем раньше, тем лучше. Можно и завтра, но лучше прямо сейчас.

Я обнимаю ее за талию, притягиваю к себе. Целую в губы, на которых смешались моя собственная горечь и приторный клубничный привкус ее жвачки. Целую шею, спускаюсь вниз, терзаю губами и дразню языком набухшие соски, выступающие под бледной кожей ребра. Не пропускаю ни одной из крошечных темных родинок, и ниже, от серебряной бабочки в пупке, по животу, по дорожке прозрачных волосков до холмика лобка, где губы колет короткая щетина бритых волос, и дальше, вниз и вглубь, где влажные устричные створки скрывают уютную глубину и пламенеющую, раскаленную горошину. Вкус обмана, вкус лунной дорожки на морских волнах, солоноватый и терпкий погибельный вкус болотного тумана.

Она выгибается всем телом, вцепляется в мои волосы тонкими пальцами, шепчет нежные глупости, постанывает и жадно глотает воздух, кусая губу. Створки сжимаются, и пульсирует эта горошина, это безумное алое пламя, и когда всю ее, от ногтей на пальцах ног с облупившимся черным лаком до запрокинутой, напряженной шеи, начинают бить короткие судороги оргазма...

На миг я вижу ее истинное лицо.

Она прекрасна. Она составлена из лунного света и серебряной пыли. Веер тонких серебряных усиков, искры в фасетах и распахнутые крылья, невесомые и прозрачные крылья, свободно проходящие сквозь простыни, и кровать, и край тумбочки с прилепленным к нему комком клубничной резинки...

Когда это произошло в первый раз, она, едва отдышавшись, принялась плакать.

Сначала я не понял, в чем дело. Думал, это что-то чисто женское, физиологическое. Ну, вроде как кончила – и разревелась. Бывает же.

Но дело было в другом.

Мы лежали на кровати, переплетая пальцами рук, я прижимался губами к ее затылку, шептал ей какие-то успокоительные глупости. Она только всхлипывала и шмыгала носом. Потом, шмыгнув особенно громко, задала самый глупый и самый логичный вопрос за время наших отношений:

– Ты испугался?

– Немножко, – соврал я.

Сразу нашелся:

– Это было так... круто, что... Ну, я думал, башню снесет напрочь!

Дело было в том, что она заметила, что я заметил метаморфозу.

Это продолжалось лишь несколько коротких мгновений. Обычные ребята вроде как не должны были обращать внимания на такое. По большому счету, они не должны были видеть вообще ничего. Тем более – в такие моменты. Одновременный оргазм это такая штука – такая... короче, напрочь сносит башню!

Поэтому она и расплакалась. Поняла, что я проник в ее тайну. И, должно быть, решила, что это вызовет во мне какие-то необратимые психологические процессы. Ну, вроде того, что, пережив такой своеобразный опыт, я немедленно сбегу от нее с дурными криками через балкон, забыв надеть штаны. Или начну пускать слюни и по-доброму смотреть в воображаемую точку в районе переносицы. Или свалю от нее в дивную страну Запой. Или попытаюсь продать в цирк уродов, сдать властям, или, к примеру, попрошу ее попозировать для домашнего видео, чтобы зафиксировать такой пикантный сопровождающий фактор (хотя все эти наши штуки на пленке обычно оказываются не в фокусе, и быстро прославиться на «ютубе» никому из нас, похоже, не светит). Словом, она была растеряна и напугана.

В этом было что-то лестное для меня. Если такого с ней не происходило раньше – значит, я первый из ее кавалеров, кто смог довести ее до такого сногшибательного финиша. Сногшибательного и крылораскрывательного, мать его.

С тех пор я каждый раз делал вид, что ничего не замечаю.

Мне хотелось казаться нормальным парнем.

Она не стала вдаваться в детали. Ее устраивало, что я не задаю вопросов. Наверное, сразу поверила мне.

Мы называли таких, как она, «белянками». В этом прозвище были не только очевидные энтомологические отсылки (достаточно вспомнить хотя бы наше самоназвание), но и чувствовалось еще какое-то пренебрежение, замешанная на зависти насмешка. Почему вы не такие, как мы?

Она училась на журфаке и пробовала подрабатывать моделью. «Белянкам» необходимо внимание извне, они питаются сиянием софитов и фотовспышками, они – экстраверты и эгоисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.